

Глава 3

Чу Чжаохуай крепче сжал полы алого одеяния, не в силах понять, правду говорит Цзи Сюнь или издевается.

Для первой брачной ночи на столе были заготовлены высокие нефритовые кубки с узором из драконов и фениксов. Цзи Сюнь, который до этого неподвижно пролежал целых полмесяца, разливал вино с какой-то необъяснимой, ленивой грацией. Его пальцы, длинные и тонкие, совсем не походили на руки закалённого в боях воина; скорее они принадлежали истинному отпрыску императорского рода, возвращённому в неге и роскоши.

Зажав два кубка между пальцами, Цзи Сюнь небрежно протянул один супругу.

— Ванфэй, прошу.

Юноша в нерешительности принял вино.

В столице судачили, будто Богу Несчастий Цзи Сюню осталось недолго — мол, не дотянет и до малого Нового года. Однако сейчас в мужчине не было и следа предсмертного увядания. Очнувшись после долгого забвения, он пребывал в столь добром расположении духа, что даже зарезал нескольких подосланных убийц, словно празднуя своё возвращение.

«Неужели это лишь предсмертная вспышка ясности?»

Но и на то не было похоже.

Раздался сухой щелчок — это кубки коснулись друг друга.

Чу Чжаохуай очнулся от своих мыслей. Цзи Сюнь уже осушил свою чашу до дна и, отбросив драгоценный нефрит в сторону, с усталым видом полулёг на широкое брачное ложе.

— В чём дело? — спросил он.

Глаза мужчины, подёрнутые смешливой дымкой, казались тёплыми, точно весеннее солнце, но юноша невольно почувствовал, как сердце сжимает тревогой. Подобный страх охватывает путника, когда тот в снежный день сталкивается в глухом лесу с одиноким волком — первобытный трепет добычи перед хищником, от которого волоски на затылке встают дыбом.

Не смея перечить, Чжаохуай медленно допил вино и послушно поставил кубок на поднос.

Ванье молчал, не сводя с него пристального взгляда.

У Чу Чжаохуая на душе кошки скребли. Сваха наложила на его лицо столько слоёв пудры, что малейшая улыбка грозила превратиться в сеть глубоких трещин, похожих на каньоны.

Наверняка при виде такого уродства...

Никакого желания возникнуть не должно.

Мозг юноши работал на пределе, тщетно пытаясь найти выход из положения. Наконец он решил пустить всё на самотёк и, стиснув зубы, первым забрался на кровать.

Свадебные одежды, пожалованные императорским двором, были расшиты золотыми и серебряными нитями. Слой за слоем — невыносимая тяжесть и сложность. Чжаохуай возился с ними целую вечность, нарочно затягивая время, будто одну-единственную пуговицу можно растёгивать до скончания веков.

Цзи Сюнь не спешил обличать его притворство. Он лениво откинулся на ярко-красные подушки и с едва уловимой усмешкой наблюдал за этим представлением, словно зритель в театре.

Заметив эту насмешку, Чу Чжаохуай на мгновение замер, и в его голове вновь всплыла та безумная, пугающе спокойная мысль.

«Если уж идти на тот свет, то вместе — в компании веселее»

Раз мужа не тошнит от его вида, пусть будет так.

Юноша резко отбросил медлительность. Он не стал до конца снимать тяжёлые одежды, лишь скинул фениксовую корону и, рассыпав по плечам длинные волосы, подполз к Цзи Сюню.

Остановив взгляд на воротах его одежд, скреплённом лишь небрежным узлом, он деланно-спокойно прошептал:

— Прощу простить за дерзость, Ванъе.

Цзи Сюнь изогнул бровь, желая увидеть, в чём же проявится эта дерзость. Очевидно, он просто собирался развязать шнурок...

Чу Чжаохуай склонился ниже.

Пальцы Ванъе, покоившиеся на одеяле, внезапно сжались, а зрачки на миг расширились.

Ванфэй не стал действовать руками. Вместо этого он опустил голову и, подцепив зубами кончик тонкой тесьмы, потянул на себя. Звук трения ткани в тишине комнаты показался мужчине громовым раскатом.

В этом жесте сквозила почти неприкрытая провокация, но из-за лица, больше похожего на маску мстительного призрака из преисподней, в нём не было и капли соблазна.

Взгляд Цзи Сюня потяжелел.

Чу Чжаохуай зубами распустил узел и, вскинув голову, набрался смелости взглянуть в лицо мужу:

— Ванъе...

Собеседник резко перехватил его за подбородок. Его не смутило даже то, что ладонь мгновенно испачкалась в белилах.

— Сяо-хоуе ведь проклинал меня, называя покойником и обречённым на смерть любителем мужчин, — прищурился он с обманчивой лаской. — С чего вдруг такая покорность? Что наговорил тебе Чу Цзин?

Чу Чжаохуай застыл.

Видя, что Цзи Сюнь выложил карты на стол, он не стал больше юлить и произносить пустые слова. Удерживая зубами завязку, он честно ответил:

— Он сказал, что тебе осталось недолго. И когда ты испустишь дух, вся усадьба Цзин-вана перейдёт в моё полное владение.

Услышав столь кощунственные речи, Ванъе не разгневался. Напротив, он рассмеялся — тем жутким, болезненным смехом, что заставлял кровь стынуть в жилах.

— А ведь он не солгал. Ванфэй вошёл в мой дом, мы выпили чашу согласия, и как только разделим ложе — если судьба настигнет меня и я безвременно скончаюсь, всё поместье по праву станет твоим.

У Чу Чжаохуая дрогнули веки.

Неужели... они и впрямь собираются это сделать?

Цзи Сюнь внезапно отстранился и поднялся с кровати.

Тяжёлый полог упал, скрывая высокую фигуру мужчины.

Сердце юноши зашлось в неровном ритме. Оставшись сидеть на краю постели, он нерешительно окликнул:

— Ванъе... куда вы?

Цзи Сюнь даже не обернулся:

— В купальню. Жди.

Чу Чжаохуай остался один, чувствуя себя так, словно его ведут на плаху.

«Пропал. Раз этот безумец готов лечь в постель даже с таким чудовищем, его пристрастия куда более извращённые, чем гласят слухи!»

Никогда в жизни Чу Чжаохуай не думал, что ему придётся страшиться потери невинности с мужчиной. В брачных покаях внезапно стало холодно, точно в ледяной пещере. Он обхватил себя руками, дрожа всем телом и мечтая лишь об одном — размозжить голову о стену.

«Вон та колонна подойдёт»

«Нет, та золотая курильница выглядит надёжнее. Если умирать, то хоть об золото»

Пока Цзи Сюнь был в купальне, юноша успел перебрать в уме десятки способов самоубийства. Лишь спустя час, проведённый в пучине отчаяния, к нему вернулись крупницы здравого смысла.

Что-то не так.

Разве обычный человек моется так долго?

Чу Чжаохуай осторожно отодвинул край полога.

Окно в спальне, распахнутое до этого настежь, кто-то успел закрыть. Смертный холод отступил, а свечи во внешней комнате погасли — горел лишь одинокий светильник у кровати.

Ванфэй впал в замешательство.

«Ванъе... он что, просто решил его напугать?»

Боковой двор усадьбы, прилегающий к кабинету.

Стояла суровая зима, но вода в бадье была ледяной.

Цзи Сюнь сбросил нижние одежды и шагнул в воду. Он закрыл глаза, откинувшись на край; его волосы, испачканные в крови, расплылись по поверхности тёмными нитями, окрашивая прозрачную воду в багрянец.

— Каждого, кто попытается покинуть усадьбу сегодня ночью, — убить на месте, — бросил он Инь Чжуншаню.

Командующий почтительно склонил голову.

В окно ворвался завывающий зимний ветер. На поверхности воды в бадье начала схватываться тонкая корочка льда, а вокруг уродливого шрама на шее Ванъе проступил иней.

— Кто он такой? — внезапно спросил Цзи Сюнь.

Инь Чжуншань решил, что господин снова что-то забыл, и привычно ответил:

— Это Чу Чжаоцзян. Тот самый, что прилюдно оскорблял вас...

— Лицо, — лениво оборвал его мужчина, словно всё ещё пребывал в полусне. — Это лицо не принадлежит Чу Чжаоцзяну.

Инь Чжуншань оторопел.

Ванъе не помнил лиц императора, собственных сыновей или шицзы. Подчинённых, служивших ему по десять лет, он через день переспрашивал — кто они такие. Как же он мог запомнить облик Чу Чжаоцзяна, которого видел мельком пару раз?

«О боги, неужели разум господина окончательно помутился?»

Инь Чжуншань попытался подобрать слова, не задевающие гордости Ванъе:

— Вы ведь видели Сяо-хоуе лишь однажды, ещё в прошлом году. И тогда вы стояли слишком далеко... Неужели вы разглядели его черты?

Цзи Сюнь открыл глаза и посмотрел на него.

Попытка смягчить ситуацию провалилась, и Инь Чжуншань немедленно склонился в извинении:

— Ничтожный виноват. Я сейчас же всё проверю.

Цзи Сюнь не стал его наказывать. Он поднёс к лицу посиневшие от холода пальцы, вдохнул едва уловимый аромат и задумчиво произнёс:

— Погаси благовония в спальне. И отнеси туда жаровню с углями.

Инь Чжуншань замер от неожиданности.

Ванъе постоянно принимал сильные лекарства, которые вызывали нестерпимый внутренний жар. Даже лютой зимой в одних лишь тонких одеждах он изнывал от духоты и никогда не притрагивался к горячему чаю.

Неужели ради нового Ванфэй он решил изменить своим привычкам в первый же день?

Командующий служил господину много лет, но сейчас не мог понять, что творится в его душе. Скрыв глубокое потрясение, он поспешил исполнить приказ.

Наступило утро.

Прошлую ночь Чу Чжаохуай провёл в смертном ужасе. Лишь под утро, окончательно убедившись, что Цзи Сюнь не вернётся, чтобы взять его силой, он забылся тяжёлым сном — то ли уснул, то ли просто лишился чувств. Всю ночь его мучили кошмары: муж в них скалился окровавленной пастью, собираясь заживо сожрать его. Проснулся он в холодном поту.

К счастью, Цзи Сюня в комнате не было.

Рядом с кроватью жарко тлели угли в жаровне, и даже под тонким одеялом было тепло.

Чу Чжаохуай отрешённо приложил пальцы к запястью, проверяя пульс.

Дед рассказывал, что, когда его мать была беременна, она сильно повздорила с одной из наложниц Чу Цзина. Испуг вызвал преждевременные роды, и Чжаохуай едва не погиб в колыбели. Хотя его и выносили, слабое с рождения сердце так и осталось его вечным

проклятием.

Пережитый ночью ужас едва не спровоцировал приступ. Сейчас юноша чувствовал себя разбитым, а голос его совсем охрип.

Он хотел встать и поискать воды, но случайно увидел в зеркале своё лицо — всё ещё густо замазанное белилами и румянами. От неожиданности Чу Чжаохуай едва не вскрикнул.

Вчера он был так напуган, голоден и слаб, что забыл даже умыться перед сном. Теперь краска на лице пошла пятнами, а губная помада размазалась по подбородку — жуткое зрелище.

Поскольку они были братьями по отцу, в чертах его глаз и бровей и впрямь угадывалось сходство с Чу Чжаоцзяном.

Чжаохуай сменил тяжёлое свадебное платье и принялся размышлять, как ему дальше скрывать своё лицо.

По обычаю, на третий день он должен навестить родительский дом. Если за эти пару дней его не раскроют, он сможет вернуть этот «горячий уголёк» обратно семье Чу во время визита.

Едва он об этом подумал, как за дверью послышался шум и чьи-то громкие выкрики.

— Шицзы, постойте! Ванъе приказал никого не пускать...

— Прочь! Отец никогда не накажет меня из-за какого-то ничтожества! Раз этот пёс попал в беду, я обязан поглотиться над ним напоследок. Скоро он сдохнет, вот увидите!

— Шицзы... Ванъе разгневаётся!

У Чу Чжаохуая дрогнул уголок рта.

«Старый знакомый Чу Чжаоцзяна? Неужели мне так не везёт?»

Вся праздничная отделка из красного шёлка уже была убрана.

С грохотом распахнулась резная дверь. В комнату в сопровождении слуг по-хозяйски ввалился богато одетый юнец, чей вид не предвещал ничего доброго.

Чу Чжаохуай поднял взгляд.

Юноша в тёмно-зелёном халате и лисьей шубе смотрел на всех с таким высокомерием, будто его глаза находились на самой макушке. В его чертах угадывалось сходство с Цзи Сюнем, но в нём не было той леденящей ауры Бога Несчастий и мрачной жестокости, скрытой за красивым лицом. Напротив, этот парень производил впечатление невежественного и пустоголового бездельника.

...Иначе он бы не стал кричать на весь дом, что собирается издеваться над кем-то, пока отец «в опале».

Чжаохуай замер, вспомнив, как слуги называли вошедшего. «Шицзы».

Всё, что он знал о Цзи Сюне, он почерпнул из пугающих слухов. Он слышал, что у Цзин-вана есть наследник, но представлял его маленьким ребёнком, а не ровесником самому себе.

Мальчишка развязно подошёл ближе. Увидев нелепое лицо Чу Чжаохуая, измазанное краской, он не удержался от насмешки:

— Сяо-хоуе, сколько лет, сколько зим. Всё ли у тебя в порядке?

Чу Чжаохуай пока не понимал, что задумал этот незванный гость, и ответил осторожно:

— Порядка хоть отбавляй.

Шицзы картинно ахнул:

— Ах, я совсем забыл. Теперь тебя нельзя называть Сяо-хоуе...

Для любого мужчины стать «женой» своего врага, пусть даже с титулом Ванфэй, — это несмыаемый позор и величайшее унижение.

— Верно, — Чу Чжаохуай кивнул, пропустив мимо ушей яд в его голосе. — Я вступил в брак с твоим отцом, мы поклонились Небу и Земле и выпили свадебное вино. Так что теперь тебе пора называть меня «папа».

Шицзы остолбенел и уставился на него с нескрываемым ужасом:

— Папа?

— Хороший мальчик, — Чу Чжаохуай, в котором проснулась небывалая щедрость, нашарил в складках одеяла горсть сушёных фруктов, которыми посыпали постель на удачу, и протянул их юноше как подарок от старшего. — Бери, не стесняйся. Если не хватит, скажи папе, я ещё дам.

Шицзы: «...»

<http://bllate.org/book/15341/1372765>